

Роковое увлечение

Про книгу

Париж после Первой мировой войны. Молодой герцог Мишель был очарован голосом Моник. Услышав ее пение — божественный шепот ангелов, он понял: эта девушка — его судьба. И пусть она сирота, а он герцог, но для истинных чувств нет преград. К сожалению, узнав о тайне происхождения Моник, мать Мишеля ее возненавидела. Девушка решает исчезнуть из жизни Мишеля, ведь теперь они не смогут быть вместе. Спустя годы Моник становится известной киноактрисой, а Мишель женится на другой. Кажется бы, судьба поставила точку в их истории. Но в городе любви их пути пересекутся вновь...

A close-up portrait of a young woman with long, wavy brown hair and light-colored eyes. She is wearing a blue necklace and looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a bright blue sky with scattered white clouds.

ЕКАТЕРИНА ЛИПС
РОКОВОЕ
УВЛЕЧЕНИЕ

РОКОВОЕ
УВЛЕЧЕНИЕ

ЕКАТЕРИНА ЛИПС

РОКОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8674-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Алексей Безруков

Париж після Першої світової війни. Молодий герцог Мішель був зачарований голосом Монік. Почувши її янгольський спів, він зрозумів: ця дівчина — його доля. І нехай вона сирота, а він герцог, але для справжніх почуттів немає перешкод. На жаль, дізнавшись про таємницю походження Монік, мати Мішеля зненавиділа її. Дівчина вирішує зникнути з життя коханого, адже тепер вони не зможуть бути разом. Роки по тому Монік стає відомою кіноакторкою, а Мішель одружується з іншою. Здавалося б, доля поставила крапку в їхній історії. Але в місті кохання їхні шляхи перетнуться знову...

Липс Е.

ЛБ1 Роковое увлечение : роман / Екатерина Липс. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 368 с.

ISBN 978-617-12-8458-6

Париж после Первой мировой войны. Молодой герцог Мишель был очарован голосом Моник. Услышав ее ангельское пение, он понял: эта девушка — его судьба. И пусть она

сирота, а он герцог, но для истинных чувств нет преград. К сожалению, узнав о тайне происхождения Моник, мать Мишеля возненавидела ее. Девушка решает исчезнуть из жизни любимого, ведь теперь они не смогут быть вместе. Спустя годы Моник становится известной киноактрисой, а Мишель женится на другой. Казалось бы, судьба поставила точку в их истории. Но в городе любви их пути пересекутся вновь...

УДК 821.161.1(477)

© Зезюлина Е. Н., 2021

© Depositphotos.com / luengo_ua, gurgenb, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Виши

Город-курорт Виши оживал после тяжелых лет войны. Постепенно отдыхающих становилось все больше, ведь популярность этого курорта росла с каждым годом. Виши был особым городом, любимым местом отдыха французских аристократов, а прежде и монархов. Это объяснялось дарами, которыми его щедро наградила природа: исключительными по составу термальными минеральными источниками, которые оценил по достоинству еще французский король Генрих Четвертый, сделавший Виши местом своего оздоровления. Наполеон Третий в свою очередь поспособствовал тому, чтобы это место стало респектабельным курортом для знати. Расположенный в центре Франции, с протекающей через него крупной рекой Алье, Виши был очень живописен. А построенные здесь для аристократов здания, поражающие воображение своей архитектурой, и парки, гармонично сливающиеся с дикой природой, делали город сказочно прекрасным и величественным.

В Виши невозможно было заскучать и забыть о культурной жизни. Оперный театр, распахнувший двери для публики еще в 1903 году, музеи, крытые галереи в парке были прекрасным местом для отдыха и развлечений. Большой популярностью пользовались частные особняки и фешенебельные отели, позволявшие знати чувствовать себя на курорте как дома.

Первая мировая война не способствовала процветанию Виши, но теперь оживший город с новой энергией манил гостей своими красотами, обещая избавить их от тревог, смыть тяжесть прошлых лет. Сюда приезжали, чтобы поправить после войны телесное и, конечно же, душевное здоровье. Вырисовывался новый стиль жизни, важное место в котором занимали отдых на курорте, лечение и оздоровление, а также спорт. Каждый приехавший сюда по-своему пережил сложное время и теперь торопился наверстать упущенное. И несмотря на то что после войны контингент отдыхающих стал разнообразней, Виши радушно принимал всех и, будто теплый ветерок, навевал на гостей утраченное спокойствие, гармонию и даже некую неторопливость и размеренность, не свойственную современному ритму жизни. Живописные пейзажи, которыми любовались гости, роскошная

обстановка, воды, позволявшие восстановить силы, и, что немаловажно, мирная атмосфера — все это возвращало к жизни и способствовало зарождению в душах отдыхающих целого спектра чувств, в котором, как и на многих курортах, особое место занимала легкая влюбленность, страсть, а иногда и настоящая, искренняя любовь.

Было тихое утро, когда вокруг так спокойно и немногочисленно. В этот час Виши будто отдыхал после бурной бессонной ночи, насыщенной светскими увеселениями, характерными для послевоенных «золотых двадцатых» и так любимыми высшим обществом, и не спешил начинать новый день. Однако молодой герцог против обыкновения встал очень рано. Как-то само собой в его душе проснулось желание познать радости этого курорта со всех сторон и, быть может, даже окунуться с головой в какие-нибудь невероятные, пусть и кратковременные, но опьяняющие отношения, освобождающие от гнетущих воспоминаний. Ему не хотелось серьезных, длительных, а потому обременительных связей. Герцог привык находить удовольствие в коротких интрижках, и именно этого ждал и сейчас.

Мишель, так звали этого двадцатисемилетнего аристократа, сначала не хотел ехать в Виши, но потом, вняв настоятельным просьбам родственников, все же согласился. Первые несколько дней на курорте позволили ему немного расслабиться, и теперь им все сильнее овладевало желание провести оставшееся время как можно приятнее. Мишель унаследовал от отца не только фамилию и состояние, но и ослепительную красоту. Он был весьма привлекательным молодым человеком: крепкие скулы, проникновенный взгляд голубых глаз, тонкие, четко очерченные губы и великолепная спортивная фигура. Герцог увлекался верховой ездой, гольфом, теннисом, любил ездить на автомобиле, великолепно танцевал и был весьма галантен. Женщины теряли голову в его обществе, ведь вокруг этого молодого человека всегда царил атмосфера праздника, волшебной сказки.

Весь день Мишель находился в приподнятом настроении, был бодр, оживленно беседовал с очаровательными дамами: он и его приятель Алэн, вместе с которым молодой герцог приехал на курорт, успели познакомиться с несколькими прелестницами. Мишель куражился, веселился, пил вино, но время от времени все же становился

серьезным и вел долгие, утомительные для дам беседы с мужчинами своего круга. И все-таки чаще этому скучному занятию молодой человек предпочитал легкий флирт с красотками — это давало ему возможность отдохнуть от важных дел, которым он, к слову сказать, отдавался всей душой.

Теплым вечером после насыщенного событиями дня герцог прохаживался по парку, с нетерпением ожидая ночного свидания. Гуляя, Мишель и сам не заметил, как свернул на набережную реки Алье. Живописный вид, представший его взору, зачаровывал и дарил умиротворение. Закат опускался на землю, окрашивая все вокруг багрянцем.

Вдруг раздался нежный, мелодичный женский голос, и хоть он и был еле слышен, но все же привлек внимание герцога. Молодой человек не стал бороться с неожиданно охватившим его любопытством и пошел в ту сторону, откуда доносился голос незнакомки. Мишелю захотелось как можно скорее узнать, что же это за прекрасная ночная птица так чудесно поет на исходе дня. Вскоре его взору предстала очень милая молодая утонченная особа. Одета она была просто, и герцогу сразу же стало ясно: эта девушка происходит из небогатой семьи. Стройная, слегка загорелая, с аккуратно уложенными волосами и серыми, сверкающими огнем глазами, незнакомка все же не принадлежала к тому типу женщин, в которых он обычно влюблялся, но ее голос затронул что-то заветное в глубине его израненной души.

— Простите, я услышал очаровательный вокал, и мне стало любопытно, кому же принадлежит этот ни с чем не сравнимый голос.

Пение оборвалось; девушка пристально посмотрела на молодого мужчину и села на скамейку.

— Ну и что вы скажете? — ничуть не смутившись, серьезно поинтересовалась юная особа.

— Простите? — изумленно переспросил Мишель, не ожидавший от нее такого спокойствия.

— Вам понравилось мое пение и то, что вы увидели? — шутливо уточнила девушка.

— О... да, у вас очаровательный голос, и ваш облик ему соответствует, — торопливо ответил герцог, с удивлением отмечая

собственное смущение. — Вы здесь работаете?

— Да! — вздохнула девушка с легкой грустью.

— И...

Мишель не успел договорить, как она продолжила:

— Я помогаю горничным, стираю постельное белье, иногда разношу постояльцам минеральную воду и меняю цветы в вазах. Одним словом, делаю, что прикажут.

Произнесено это было печально и даже с досадой.

— Вы шутите? — искренне удивился Мишель.

— Почему же? Напротив, сегодня я совершенно серьезна!

— Нет, нет! С такими данными стираете белье? Не может быть!

Незнакомка не поняла по его интонации, искренне ли он изумлен или же подшучивает над ней. И к тому, и к другому она уже давно привыкла. Повисла пауза, показавшаяся обоим слишком длинной.

Первым молчание нарушил мужчина:

— Меня зовут Мишель.

— Моник! — ответила девушка.

Дальнейшая беседа была более оживленной. Оказалось, что Моник весьма любознательна, много читает и любит рассуждать на разные темы, даже спорт и гонки ее занимают. Все это очень понравилось герцогу. Этот вечер они провели, беседуя и неспешно прогуливаясь по парку, и молодой мужчина даже не вспомнил о свидании, которого совсем недавно ожидал с таким нетерпением.

Проснувшись на следующее утро, Мишель понял, что все еще возбужден вчерашним неожиданным знакомством. Ему не терпелось вновь увидеться с Моник.

Весь день он был слегка раздражен, но в то же время задумчив. Друзьям никак не удавалось его разговорить: вроде бы он был рядом, и в то же время его мысли витали где-то далеко. Когда Мишель и Ален отделились от компании, последний, тихонько смеясь, спросил:

— Что с тобой? Ты что, влюбился?

Услышав эти слова, Мишель сначала разозлился, потом нахмурился и вдруг, лукаво сверкнув глазами и так и не ответив, поспешно удалился.

— Ален, Ален! — окликнули дамы молодого человека. — Что случилось с вашим другом?

— О милые розы в прекрасном саду... — с шутливой восторженностью начал тот.

Юные особы захихикали, кокетливо отворачиваясь от Алена; он же осыпал их комплиментами, благодаря которым их интерес к Мишелю несколько охладел.

Моник и герцог встречались несколько дней подряд. Молодые люди проводили вечера за беседами. Мишель часто просил девушку спеть, а потом они подолгу гуляли по аллеям парка. Им было хорошо вместе, они многое обсуждали, делились своими умозаключениями. Они говорили обо всем: о погоде, об архитектуре, о музыке, лишь никогда не вспоминали о войне, словно ее и не было вовсе. Только с Моник Мишель забывал об этом страшном периоде, только ее чарующая улыбка успокаивала его душевные тревоги. Порой он дивился этой девушке, ее беззаботной улыбке и живому, горячему блеску глаз. Периодически Мишель задавался вопросом: «Неужели она всегда такая беззаботная, неужели ее мыслей не утяжеляют тревоги, огорчения, разочарования и обиды? Неужели ненависть и злоба никогда не искажают этих прекрасных уст, не стирают с них эту ни с чем не сравнимую улыбку?» Но, не находя ответов на эти вопросы, герцог вскоре забывал о них.

Иногда Моник позволяла себе посмеяться над дамами из высшего общества. В такие минуты Мишель молчал, слушая ее со снисходительной усмешкой. Девушка тонко чувствовала, чего не хватает герцогу, и безошибочно восполняла это, и сама загораясь.

— Вы только посмотрите на эту даму, она будто прилипла к своей собачке. Бедное животное, ему даже не дают побегать по дорожкам! А как вам нравится вон та леди? Какое томное лицо, как много косметики и драгоценностей! — смеялась девушка.

— Но, Моник, может, вы ей просто завидуете?

— Я?! — возмутилась девушка, но, немного подумав, серьезно ответила: — Разве что чуть-чуть, самую малость!

И ее глаза вновь вспыхнули блеском. Моник опять рассмеялась, словно секунду назад вопрос герцога не поставил ее в неловкое положение.

— Пойдемте, вон там есть свободное место, — сказал Мишель, указывая на освободившийся под зонтиком столик.

Они неторопливо направились в прохладную тень.

Моник и герцог беседовали, смеялись, время от времени становились серьезными, но ненадолго. Мишелю приятно было проводить время с этой девушкой. Скоро он понял, что Моник разносторонняя и самобытная личность. Но более всего его привлекали ее самодостаточность и невероятная легкость, контрастировавшая с пылким нравом. Она была интересной собеседницей, эрудированной и любознательной. А кроме того, временами Моник казалась, а может, и на самом деле становилась беззаботной и даже ветреной. Она умела слушать и иногда понимала Мишеля без слов. Ей было не чуждо женское кокетство, но в то же время лишь с ней герцог мог поделиться своими размышлениями, взглядами на многие сферы человеческой жизни. И что самое удивительное, Моник внимательно слушала его, в то время как другие дамы, с которыми он общался ранее, в такие минуты устало зевали и рассеянно глядели по сторонам, всем своим видом давая понять, что эта беседа кажется им утомительной и бессмысленной. Моник же не только ловила каждое его слово, но и вступала в диалог, не стесняясь высказывать собственное мнение. Конечно, Мишель уже очень давно не заводил подобных разговоров с дамами, но однажды в беседе с новой знакомой бегло коснулся какой-то серьезной темы, и девушка ее поддержала. Это удивило герцога, и Моник открылась для него с еще одной, неожиданной стороны.

Стечение обстоятельств

— Ох, не к добру это! — сердито ворчала кузина Моник, Франсуаз.

— Франсуаз, ты не понимаешь, он... — Моник немного помедлила и продолжила чуть тише: — Он интересный собеседник, с ним все иначе; он словно из другого мира!

— Еще бы, он ведь аристократ, представитель высшего общества, а ты? — ехидно произнесла кузина, и была права. — Не забывай, что такие мужчины, как правило, женятся на ровне, — продолжала Франсуаз.

— Но иногда правила нарушают, не так ли? — с полувопросительной интонацией произнесла Моник и пошла по парковой аллее в сторону отеля, держа в руках цветы.

Франсуаз лишь пожала плечами и вздохнула, провожая взглядом двоюродную сестру, а затем продолжила аккуратно срезать цветы.

Моник шла очень быстро; беседа с кузиной встревожила и расстроила ее. Конечно же, она и сама понимала, что их отношения с герцогом невероятны, невозможны, что между ней и им огромная пропасть. Но разве сердце всегда прислушивается к разуму?

Вдруг на пути у девушки невесть откуда появился Жермон, местный садовник. Ему было уже около пятидесяти, но, несмотря на возраст, мужчина целыми днями возился с растениями; он просто обожал свою работу. Моник он знал еще девочкой и любил ее почти как дочь, но при этом неизменно держался с ней строго и был немногословен.

— Вы испугали меня, Жермон! — недовольно воскликнула девушка.

— Простите, сударыня!

— С чего это вы так меня называете? — удивилась Моник, не зная, рассердиться или рассмеяться.

— Ты почти аристократка, может, даже герцогиня, если угодно. Или я ошибаюсь? — спросил Жермон; его голос звучал неодобрительно.

— С чего это вдруг? — ответила девушка, залившись румянцем.

— Ох, как часто я вижу тебя в компании одного из наших родовитых гостей...

— Ну и что же? Да, мы беседуем! — воскликнула Моник и, помолчав, добавила гордо: — Но он не вскружил мне голову!

— Ох, принцесса моя, поверь мне, это лишь дело времени, — произнес садовник и печально добавил: — Как много юных хорошеньких девушек попадает в эти сети! Словно бабочки, летят они на яркий свет манящей их красивой жизни, а приблизившись к нему и не успев даже как следует насладиться, обжигают тонкие крылья и погибают, всеми забытые, но прежде униженные, обещанные...

— Перестаньте, Жермон! Вы все сегодня будто сговорились, — раздраженно выпалила девушка и бросилась прочь по дорожке.

Она старалась бежать быстро, но ноги ее не слушались, да еще и эти благоухающие розы безжалостно кололи пальцы до крови. Уже у самого отеля Моник споткнулась и упала нежным телом на огромный колючий букет. Конечно же, цветы были безнадежно испорчены, да и девушка сильно исцарапала себе руки. Управляющий отелем в это самое время стоял на крыльце. Он был чем-то раздражен и, увидев падение Моник, вскипел от негодования. Сердито раздувая ноздри, мужчина жестом позвал девушку к себе. Краснея от злости и еле сдерживая гнев, он все же старался говорить не очень громко, чтобы не привлекать внимания отдыхающих, но слова его хлестали несчастную, будто плети. Моник, опустив глаза, молча слушала обрушившиеся на нее упреки. Она понимала: на этот раз ей не простят, очень уж неудачно сложились обстоятельства и разозленный чем-то управляющий решил на ней отыгаться.

— Что ты себе позволяешь? Ишь какие все стали! Завтра же, нет, сегодня, сейчас ступай прочь с моих глаз! Ищи себе другую работу, бестолочь! — брызжа слюной, свирепо выпалил немолодой мужчина.

Моник хотела что-то сказать в свое оправдание, но управляющий круто развернулся к ней спиной и поспешил в отель.

В это самое время от источников возвращались Мишель и Ален; они издали увидели финал этой сцены. Герцог поспешил к расстроенной Моник. Когда он приблизился к ней, она стояла, закрыв лицо руками и пытаясь скрыть слезы отчаяния.

— Не стоит грустить, Моник! — произнес герцог ласково, но твердо.

Она вздрогнула от неожиданности и обернулась; ее заплаканные глаза встретились с его ясным встревоженным взглядом.

— У меня больше нет работы, — безжизненным голосом произнесла девушка.

— Она тебе больше не нужна!

Как-то слишком быстро произнеся эту фразу, Мишель удивил не только себя и Моник, но и Алена, изумившегося больше всех.

— Что это значит? — спросила девушка, вытирая слезы.

— Ты прекрасно поешь, и я думаю... — Замолчав на полуслове, герцог обернулся к другу, а затем взял под руку застывшую от удивления Моник и увел ее в парк.

Ален долго провожал их взглядом, затем неодобрительно хмыкнул и, поморщившись, побрел в тень.

Моник и Мишель еще долго гуляли и беседовали. К девушке постепенно вернулось спокойствие, более того, ей вдруг стало безразлично то, что ее уволили. Почувствовав, что к его спутнице вернулось ее обычное настроение, которое ему так нравилось, герцог вдруг остановился, взглянул девушке прямо в глаза и нежно сжал ее руку. Казалось, он на что-то решился. Моник, не успев произнести ни слова, неожиданно для самой себя очутилась в его страстных и нежных объятьях. За этим последовал долгий горячий поцелуй, на который она ответила с таким же пылом. Казалось, все вокруг перестало для них существовать...

В этот день они больше не расставались. У Моник учащенно билось сердце; в голове проносились мысли, так непохожие друг на друга и даже противоречивые. С одной стороны, отчаянная и, как ей казалось, безвыходная ситуация. С другой — возможность быть рядом с любимым человеком, вселявшая надежду на благополучный исход. Девушке вдруг показалось, что этот неожиданно появившийся в ее судьбе мужчина защитит ее от бед, полюбит и сделает счастливой. Но кроме того, Моник понимала, что, возможно, это ее единственный шанс спастись от бедности. Не исключено, что какие-то самые потаенные, слишком смелые и даже дерзкие мысли, проносясь в ее сознании, пробуждали в девушке корысть. Как знать? То ли искренняя любовь, заглушившая здравый смысл, то ли холодный расчет, а может, банальная растерянность привели к тому, что эта юная особа осталась на всю ночь в богатых апартаментах герцога, поражающих красотой и размерами. Как бы там ни было, на следующее утро Моник проснулась поздно.

Она открыла глаза и сама себе не поверила. Она лежала на голубых шелковых простынях в огромной, просто-таки королевской, мягкой и удобной постели под ароматным легким покрывалом. Разум пытался призвать девушку к благоразумию, сердце же желало раствориться в искренней любви и счастье. Ночь прошла, а Моник все еще оставалась в этой сказочно прекрасной атмосфере, в одной из самых шикарных комнат, которые ей когда-либо доводилось видеть. Обстановка поражала воображение богатым убранством. Девушке вдруг и впрямь показалось, что она герцогиня и все вокруг — для нее. Моник тряхнула головой, чтобы прогнать эту химеру.

Тяжелые шторы на окнах были еще задернуты, но сквозь небольшую щель в комнату настойчиво пробивался яркий солнечный луч. Девушка огляделась, сбросила одеяло и соскользнула на пол, устланный роскошным мягким ковром. Моник подошла к зеркалу и оглядела себя. Впервые за долгие годы она выпалась; ее лицо посвежело, на щеках заиграл легкий, едва заметный румянец. На журнальном столике возле огромной вазы с фруктами девушка заметила целую кипу бумаг; должно быть, они принадлежали Мишелю. На комод у двери стояла шикарная ваза со свежесрезанными цветами, такими же, как те, что еще совсем недавно приносила она сама для украшения номеров и обеденных залов. Волшебный аромат, наполнявший комнату, вызвал у Моник терзающие душу колебания. Но затем эта шикарная обстановка внушила девушке другие мысли. Она стояла растерянная, но в то же время улыбалась сама себе. Моник и во сне не могла представить, что окажется посреди такой роскоши.

— О, ты уже проснулась? — тихо произнес молодой герцог, входя в спальню.

— Мишель... — только и сумела произнести взволнованная девушка.

— Я не хотел тебя будить, ты так сладко спала, ну прямо как дитя. — Герцог прошептал эти слова.

Он подошел к Моник, нежно взял прядь ее длинных волос, поднес к лицу и, вдохнув их аромат, поцеловал. Теперь молодой мужчина восхищался не только голосом этой девушки, ее привлекательной внешностью, легким характером, пытливым умом, но и чистотой ее

тела, которую он познал этой ночью. Моник замерла и нежно улыбнулась.

— Собирайся, нам нужно ехать, — произнес Мишель, подойдя к окну и слегка отодвинув занавеску.

— Куда? — спросила девушка, не сумев скрыть испуг.

— Я отвезу тебя в одно место, где дамы так умело тратят деньги своих мужчин, — улыбаясь, поспешил герцог успокоить свою новую пассию.

У девушки даже дух захватило. Она покраснела от волнения, радости и предвкушения.

— Новые платья? — несмело уточнила Моник.

— Хм... не только. Шляпки, перчатки, ну, и все что нужно!

Девушка подбежала к своему старенькому, очень простому платьицу и торопливо его надела, но потом вдруг резко обернулась к Мишелю и грустно спросила:

— Ты шутишь?

— Даже не думал! — ласково улыбнулся молодой герцог.

Он собрал в охапку бумаги, лежавшие на столике, и быстро направился к выходу. Задержавшись в дверях на несколько секунд, он глянул на наручные часы и шутливо сказал:

— Поторопись, а то нам ничего не достанется!

Дрожащими от волнения пальцами Моник застегнула платье, затем расчесала волосы и, приведя себя в порядок, направилась к двери. Прежде чем покинуть спальню, она нежно погладила цветы в вазе, глубоко вдохнула их аромат и вышла из комнаты грациозно и неторопливо, словно вовсе никуда не спешила, словно предстоящее действие было для нее привычным и даже слегка ей наскучило. Мишель снова удивился про себя, как быстро Моник овладела собой и как умело скрывала пылкий нрав, свою истинную натуру, которой были свойственны и волнение, и страсть, и неумение сдерживать эмоции.

Всю дорогу молодые люди весело болтали, держась за руки. Время от времени девушка вспоминала, что они не одни, и застенчиво бросала быстрые взгляды на шофера, желая удостовериться в том, что он не обращает на них внимания. Машина остановилась возле

небольшого здания с красивой резной деревянной вывеской, на которой было написано название ателье.

Когда они вошли внутрь, Моник даже растерялась. Обстановка, представшая ее взгляду, поразила девушку не меньше, чем номера, в которых она провела эту ночь. Все было очень красиво и роскошно. Тяжелые шторы, собранные густыми складками, живописно обрамляли высокие окна. Картины были заключены в дорогие рамы. Обои, переливисто блестящие в солнечных лучах, походили на шелк. Несколько зеркал в резных деревянных рамах, комнатные цветы на полу в больших горшках и на металлических кованых подставках возле стен, плетеные стульчики, столики с круглыми стеклянными столешницами создавали особую атмосферу. Тумбы, на которых стояли деревянные подставки для шляп, манекены с готовыми или почти готовыми платьями, которые можно было сразу же купить, и еще множество привлекающих взгляд вещей наполняли помещение уютом.

Посетителей любезно встретила немолодая женщина со строгим, но доброжелательным лицом; она торопливо провела их в уютную тихую комнату и попросила немного подождать. Это помещение было небольшим, но не менее красивым, чем предыдущее. Тут стояла тяжелая, покрытая по верху и низу резьбой четырехстворчатая ширма; на стене висело большое зеркало в красивой дорогой раме. В соседней комнате было довольно шумно: мужчины, ожидающие своих дам, что-то оживленно обсуждали.

— Добрый день, месье, мадемуазель! Чем я могу вам помочь? Чего желаете? — входя в маленькую комнату, обратилась к Мишелю и Моник невысокая, средних лет дама с сантиметровой лентой на шее.

Видимо, она хорошо знала герцога — при взгляде на него на ее губах появилась странная улыбка. Моник даже успела подумать, что она далеко не первая, кого он приводит к этой модистке.

— Мне хотелось бы обновить гардероб моей бедной кузины, подчеркнуть ее природную красоту и грациозность!

При этих словах Моник слегка расширила глаза от удивления, но быстро овладела собой и лишь лукаво бросила на своего спутника страстный, испепеляющий взгляд, чем слегка его смутила.

Пока Моник и модистка, скрывшись за ширмой, занимались составлением нового гардероба, Мишель присоединился

к беседующим мужчинам.

Молодой герцог оплатил дорогие ткани и работу модистки, которая должна была приезжать для примерок в его апартаменты.

В тот же день Мишель и Моник посетили галантерейный магазин. В красивой стеклянной витрине виднелись размещенные с большим вкусом подставки с перчатками, какие-то статуэтки и шарфики из почти прозрачной ткани...

День прошел весело и быстро. А вечером у молодых людей наконец-то появилась возможность побыть вместе, наедине.

— Моник, я все хотел спросить тебя, а как же твои родные? Они, наверное, не одобряют твоего решения быть здесь, со мной?

— Ах, Мишель, им нет до меня никакого дела. Тетушка уже давно хотела от меня избавиться, выдать замуж, но пока что мне удавалось избегать столь печальной участи...

— Ты против брака? — искренне удивился герцог.

— О нет, что ты! Я против брака с чужим, нелюбимым, не милым сердцу человеком. Хотя в наше время такие союзы встречаются сплошь и рядом, мне всегда очень хотелось, чтобы у меня было по-другому.

— Хм-м... — протянул задумчиво Мишель, ложась в постель.

Моник скользнула в его объятия, и молодые люди исчезли под ароматным голубым покрывалом.

Последующие несколько дней были так же прекрасны. Моник подолгу примеряла новые наряды: Мишель не хотел покупать готовое платье, считая, что нет ничего лучше одежды, сшитой по фигуре. Потом влюбленные обедали вместе и прогуливались, обсуждали новости и делились впечатлениями о проведенных врозь часах. По вечерам молодой герцог перечитывал скопившуюся за день почту, говоря при этом:

— Семья и дела не ждут!

Моник же в это время предпочитала находиться рядом с ним, но при этом увлеченно читала предложенную ей книгу. Девушке так хотелось понять мир, в котором живет Мишель, и стать ему еще ближе и интереснее...

Наконец-то ее наряды были готовы. Модистка привезла обновки в белых картонных коробках, перевязанных розовыми и золотыми

лентами и украшенных по центру пышными бантами. Моник стала счастливой обладательницей вещей, о которых совсем недавно не позволяла себе даже мечтать. Для ночного отдыха у нее появились очаровательная рубашка на тонких бретельках, нежно-розовая, в ней девушка выглядела еще изящнее и привлекательнее, и голубая шелковая пижама: туника без рукавов, длиной чуть ниже бедер, украшенная на груди кружевом в тон основной ткани, схваченная на бедрах пояском и дополненная зауженными книзу брюками на манжетах. Поверх всего этого надевался легчайший длинный пеньюар без рукавов свободного покроя, под цвет пижамы. В таком комплекте можно было свободно ходить по комнатам и даже спускаться к завтраку — многие богатые дамы с удовольствием себе это позволяли.

Кроме того, гардероб девушки пополнился несколькими платьями. Одно из них было с открытой спиной, без рукавов, длинное, узкое, черное, подчеркивающее фигуру. Такие туалеты дамы из высшего общества и киноактрисы предпочитали носить со свисающими по спине утонченными, выразительными, дорогими украшениями, привлекающими еще больше внимания к V-образному вырезу, обнажающему лопатки и спускающемуся еще дальше. Платья с открытой спиной вошли в моду еще в 1919 году, но с таким нарядом следовало быть весьма осторожной, понимать, когда он уместен, а когда может вызвать у окружающих неодобрительные суждения.

Другой туалет прекрасно подходил для модных ночных развлечений — современных танцев, охвативших Европу в начале двадцатого века. Это было короткое, также без рукавов, прямое вечернее платье; в нем, несомненно, было удобней двигаться в такт новой музыке. Украшала его переливающаяся, поблескивающая, мерцающая бисерная бахрома, точно повторяющая каждое движение своей хозяйки, будто оживающая во время танцев, вскруживших голову молодежи.

Еще у одного платья был прямой силуэт и плиссированная юбка. Платье-рубашка с поясом на бедрах более других подходило для повседневного ношения.

За последнее время женская мода сильно изменилась, причем это произошло довольно резко; немалую роль в этом сыграла Первая мировая война. Современные дамы перестали пользоваться корсетами,

что заметно повлияло на их силуэт. Модницы больше не акцентировали внимание ни на груди, ни на бедрах. Но арсенал дамских хитростей был пополнен модным ярким макияжем, всякий раз с легкостью преображавшим женщину в роковую красотку. Платья свободного покроя часто шили из современных, с 1918 года вошедших в моду тканей — крепдешина и креп-сатина. Наряды становились все короче, обнажая доселе скрытые от посторонних взглядов ножки. В начале двадцатых годов подол платья был на уровне щиколотки, а уже в двадцать пятом поднялся до колена. Разумеется, как никогда стала востребована красивая обувь. Мишель позаботился и об этом. Открытые ноги следовало украшать не только изящными туфельками на устойчивом пятисантиметровом каблуке, с элегантным хлястиком, фиксирующим стопу, но и дорогими, правда, непрочными шелковыми чулками телесного цвета.

Моник с изумлением и восхищением рассматривала себя в зеркале, не веря своим глазам. Девушка долго не покидала спальню, беседуя с модисткой. Моник пыталась понять и запомнить правила ношения этих изумительных вещей и, к удивлению своей наставницы, с поразительной легкостью и необъяснимым природным чутьем буквально на лету схватывала даже мелочи.

Дверь спальни отворилась, и в гостиную по очереди вышли модистка, горничная и парикмахер; следом за ними гордо, не спеша появилась будто совершенно незнакомая Мишелю представительница его круга. Увидев новую Моник, он выронил письма, которые держал в руках. Перед ним была совсем другая девушка. Нет, скорее дама, молодая светская дама, возможно, дочь какого-нибудь угольного магната, но ни в коем случае не та Моник, что совсем недавно пела ему в саду. Платье из тонкой, струящейся, легкой ткани, следуя новому, модному образу, создавало необходимый силуэт, делая Моник невероятно привлекательной. Длинная жемчужная нить, кокетливо ниспадавшая по груди вниз, оттеняла природную красоту юного стана. До чего же ей к лицу эта модная утонченность современной женственности! А новая прическа боб? Коротко остриженные и волнообразно уложенные волосы эффектно подчеркивали изящную длинную шею; пожалуй, это стало главным дополнением к модному образу девушки, если не считать макияжа.

Моник понимала, какое впечатление произвела на окружающих, особенно на герцога, и потому с каждым новым движением становилась все увереннее и кокетливее. Когда после многочисленных комплиментов модистка и парикмахер покинули апартаменты, молодые люди, наконец-то оставшись наедине, приблизились друг к другу.

— Кто вы, о прекрасная незнакомка? — не скрывая восхищения и восторга, игриво произнес Мишель.

— О, я... — Моник не смогла закончить фразу и рассмеялась, так нежно и волнующе, что у герцога дрогнуло в груди.

Он не сказал ей больше ни слова, просто привлек к себе и поцеловал. Девушка ответила на его нежность. После долгих сладостных поцелуев мужчина вдруг изменился в лице. Казалось, он вспомнил о чем-то очень важном. Он отвернулся и негромко произнес:

— Моник, внизу тебя ждет кузина.

Девушка улыбнулась, взяла в руки шляпку и направилась к двери. Затем остановилась, оглянулась и кокетливо послала воздушный поцелуй глядевшему ей вслед Мишелю. Герцог улыбнулся и добавил:

— Вечером мы едем в оперу, Моник!

— О, ты, наверное, шутишь? — взволнованно ответила она нежным голосом.

— Ничуть! Не забудь об этом. К тому же у тебя теперь есть новые платья, и на то, чтобы облачиться в них, тебе понадобится больше времени. Помни об этом, прогуливаясь с кузиной.

Моник неодобрительно хмыкнула в ответ на его подшучивания, но все же произнесла:

— Не волнуйся, я буду вовремя!

Погода была чудесной. Теплый ветерок слегка касался листвы и овеивал свежестью людей, прогуливавшихся в ее тени. Новое платье Моник из воздушной ткани трепетало при каждом его дуновении, из-за чего казалось живым. Девушка увидела Франсуаз, скучавшую на скамейке в тени густого дерева, и поспешила к ней. По пути с Моник здоровались проходящие мимо дамы, мужчины приветствовали ее кивком. Все принимали ее за представительницу высшего общества. Девушка сбавила шаг и двигалась по дорожке уже не спеша, краем глаза изучая манеры светских дам, прогуливающихся

с томным видом. Наконец Моник подошла к скамейке, на которой сидела кузина. Та сначала ее не узнала, а когда поняла, кто перед ней, оторопела. Моник заговорила первой:

— Ты хотела со мной встретиться?

— Ну да, но я не ожидала, что ты так сильно изменишься... станешь настоящей... ну, прямо-таки, не побоюсь этого слова, герцогиней, — произнесла Франсуаз с легкой завистью.

— О, не верю своим ушам. Еще совсем недавно ты была настроена скептически и вдруг присвоила мне этот титул. А где же твое обычное «это еще ничего не значит» и так далее?

— Но ведь передо мной мадам, не так ли?

— Франсуаз, я пока еще все та же Моник, несмотря на новую одежду, прическу и макияж, — ответила девушка, удивленная переменой, произошедшей с ее кузиной.

— То есть?

— Знаешь, я волнуюсь. Я видела у него на столике кипу бумаг...

— Но это же в порядке вещей, сестренка! — усмехнулась Франсуаз.

— Нет, я не об этом. Там были письма от членов его семьи...

— И что? Ты их прочла?

— Что ты, как я могла? Семья очень важна для него, и знаешь, вот о чем я подумала... Как он представит меня своим близким?

Следующая мысль меня испугала: а вдруг все закончится с его отъездом из Виши?

— Ну вот еще! Не ожидала от тебя этого, Моник. Тем более после отчаянного шага, на который ты решилась, став его любовницей...

— Когда, увидев меня сегодня в новом наряде, он вдруг переменялся в лице, я спросила себя: быть может, он подумал, что курортный роман зашел слишком далеко?

Глаза Моник вдруг наполнились ужасом.

— А может, он женат? — шепнула она и вытерла непрошеную слезу.

— Брось, сестренка, просто ты очаровала его и он обезумел от счастья. Пока ты в Виши, не думай об этом. Если и случится так, что он уедет без тебя, ты без труда сможешь и дальше оставаться в этой сказочной атмосфере, которая теперь — я уверена в этом! — стала тебе привычной. Не так ли?

— Без труда? Привычной? О чем ты? Ты что, забыла, что я лишилась работы и живу с мужчиной, который не является моим

мужем? Здесь для меня нет пристойного будущего... А там, у него? Даже не знаю, возможно ли оно вообще?

— Может, он женится на тебе? Или ты найдешь себе другого... Вон сколько их приезжает сюда отдохнуть. Главное, чтобы они обеспечивали тебе безбедное существование...

— Ты что, и вправду так думаешь? — искренне изумилась Моник. Она чувствовала себя глубоко оскорбленной; кухня задела ее чувства к Мишелю, в глубине которых девушка с недавних пор перестала сомневаться. Немного помолчав, она добавила: — Какого ты обо мне мнения? И зачем вообще захотела со мной встретиться?

Не дождавшись ответа от оторопевшей Франсуаз, Моник резко встала и побежала прочь. Но у нее подкашивались ноги, и она свернула с дорожки в кусты. Вскоре послышались шаги Франсуаз. Моник затихла, ожидая, когда они удалятся. Конечно же, она поняла, что кухню подслала тетушка, решившая обогатиться за ее счет. Это был холодный расчет, желание получить необходимые материальные блага за счет нелюбимой племянницы, которую она толкала на новые выгодные связи.

Моник тряхнула головой, гордо подняла подбородок и вышла на дорожку. Ну что ж, если это действительно так, ей не остается ничего иного, кроме как уехать с Мишелем в Париж, подальше от этих ужасных людишек, именующих себя заботливыми родственниками, каковыми они, в сущности, никогда не были. Девушка трезво оценивала ситуацию, понимала, что попала в крайне сомнительную историю, но ее характер не позволял ей впадать в отчаяние раньше времени. Да, положение ее шатко, статус не определен — то ли она невеста герцога, то ли его очередное несерьезное увлечение, сиюминутная слабость. Лишь по прошествии некоторого времени можно будет разобраться в этой щепетильной ситуации. Что ж, оставалось только ждать. А пока вопрос не решен, стоило приложить силы для того, чтобы все разрешилось наилучшим образом.

Смелое решение

К вечернему посещению оперного театра Моник готовилась весьма усердно. То, как терпеливо она укладывала волосы, отказавшись от помощи прислуги, то, как сумела побороть свое волнение, было достойно похвалы. Ведь ни много ни мало, после потрясения, пережитого при встрече с кузиной, ее ждал первый выход в свет. Конечно же, Мишель оценил силу духа своей новой пассии и со своей стороны постарался внушить Моник уверенность перед важным для нее событием.

Оперный театр был восхитителен. Высокие своды фойе вызывали у посетителей особое ощущение — осознание, как мал человек и как велико искусство. Массивные люстры прекрасно освещали помещение, комнатные цветы оживляли интерьер. Все вокруг блестело, сияло роскошью и богатством. Опрятно одетые лакеи открывали двери перед гостями. Посетителей было много: дамы в дорогих вечерних туалетах, мужчины — настоящие джентльмены в черных, идеально сидящих смокингах. Все были элегантны и неторопливы.

Мишель в сопровождении прекрасной незнакомки появился перед самым началом спектакля и вызвал оживленное обсуждение среди знакомых. Моник держалась уверенно, с достоинством, хотя у нее в груди и кипели страсти, и девушка до сих пор чувствовала горечь от беседы с Франсуаз. Однако никто из присутствующих не заметил ее внутреннего напряжения. Моник улыбалась, но говорила мало, боясь сказать что-то не то. Но именно такое поведение делало ее образ еще более загадочным и очаровательным. Мужчины разглядывали ее с интересом, не скрывая восхищения, женщины перешептывались. Мишель был доволен тем, что все, кто не знал его спутницу, принимали ее за даму высшего света.

Опера произвела на Моник огромное впечатление, затронув самые глубокие, а значит, и самые тонкие чувства, встревожив и поразив юную душу. Девушке так много хотелось сказать Мишелю, стольким с ним поделиться, но она очень искусно сдерживала свои порывы, так что со стороны казалось, будто она в опере не первый раз и все здесь

для нее давно привычно. Даже герцог удивленно поднял бровь и шепнул своей спутнице на ухо во время аплодисментов:

— Я поражен твоим самообладанием!

Моник в ответ загадочно и кокетливо наклонила голову набок. Мишель действительно был поражен, ведь он ожидал, что она допустит какую-нибудь оплошность и ему придется спасать положение. Но все же в глубине души герцог был уверен в этой необычной девушке. Больше всего Моник боялась, что ее выдаст Ален, но тот не сделал этого. Девушке даже показалось, что ему немного скучно и он хочет поскорей покинуть театр и удалиться по каким-то своим, быть может, даже любовным делам. Когда Ален наконец исчез, у Моник стало спокойней на душе. Мишель в свою очередь решил не испытывать судьбу и также поспешил удалиться вместе со своей спутницей.

Всю дорогу домой девушка делилась с ним впечатлениями, не в силах более сдерживаться.

— О, это было невероятно, восхитительно! Я еще никогда не видела и не слышала ничего подобного. Какие декорации! Сколько труда и искусства! А костюмы, Мишель, костюмы, они прелестны, созданы со вкусом и шиком. Какая зрелищная постановка... Но голоса, голоса поразили меня больше всего! Слушая партии, я замирала, мне казалось, будто я в сказке, нет, скорее в каком-то чудесном сне. Мне понравились все актеры, они как на подбор очень талантливы и профессиональны. Я бы очень хотела еще раз побывать в опере...

Моник не могла остановиться, ей нужно было выплеснуть переполнявшие ее эмоции. Как бы хорошо она ни справлялась с собой на публике, теперь ей было уже не под силу скрывать за маской холодной сдержанности чувства, кипевшие в ее горячей молодой груди. Мишель снисходительно улыбался одними лишь глазами; он наблюдал за этой самобытной девушкой с каким-то доселе неизвестным ему восхищением. Буйная волна ее эмоций не раздражала, не пугала, не отталкивала его, напротив, он любовался Моник. Любовался и восхищался тем, как тонко ее душа воспринимает искусство, как искренне эта девушка делится с ним своими глубокими, сильными переживаниями. Как редко доводилось герцогу встречаться с такой искренностью, такой силой духа, характера, с чистотой и естественностью. Его прежние пассии походили друг на друга

поведением и проявлением чувств, как в обществе, так и наедине. Мишелю казалось, что эти женщины постоянно носили маску, словно у них вовсе не было сердца и души, способных искренне чувствовать и страстно любить. Герцог вдруг отчетливо осознал, что получает огромное удовольствие, любясь переполненной эмоциями Моник, и его сердце забилось быстрее; он почувствовал себя счастливым, чего не случилось с самого начала войны.

— О, я, наверное, утомила тебя своей болтовней? — осеклась девушка, не поняв перемены, отразившейся на его лице.

— Нет, напротив. Мне очень приятно, что этот вечер принес тебе столько впечатлений, что ты так глубоко прониклась оперой, тем более что я и сам очень ее люблю.

Моник застенчиво опустила глаза — ей было немного неловко за свое поведение. Но смущение продлилось лишь несколько секунд, а затем она подняла свой чарующий взгляд и, кокетливо взмахнув веером черных бархатных ресниц, спросила:

— Мы поедem в оперу еще раз?

Мишель искренне улыбнулся и легким кивком подтвердил свое согласие.

Этот вечер был особенно прекрасным. Погода была чудесной, но Моник, утомленная переполнявшими ее эмоциями, очень хотела спать. Вернувшись в отель, девушка сразу же крепко и сладко уснула. Мишель же, напротив, долго не мог сомкнуть глаз. Он сидел в кресле с бокалом вина, вспоминая прекраснейший вечер. Вдруг впервые за все это время мужчина всерьез задумался о том, какое место в его жизни занимает эта девушка. Хоть он и был очарован ее голосом в вечер знакомства, но не собирался заводить с ней серьезных отношений, желая лишь развлечься. Однако потом с каждой новой встречей Мишель все больше и больше открывал ее для себя, чувствуя интерес, удивление и восхищение. Когда Моник встревожилась, потеряв работу, он воспользовался ее состоянием, а получив желаемое, должен был удовлетвориться и остыть, но вместо этого почему-то все сильнее нуждался в ее улыбке и в долгих откровенных беседах. Волшебное перевоплощение в настоящую леди окончательно сбilo Мишеля с толку. Отношения, начавшиеся для него как легкий флирт, уверенно и стремительно перерастали в серьезные. Герцог впервые в жизни поверил в то, что в мире существует любовь. И теперь гадал:

может быть, это именно она, любовь, лишает его сна, пытаюсь завладеть его сердцем? Мишель все думал и думал, желая понять самого себя. Пил вино и улыбался, говоря себе, что на этот раз не он, а его поймали в любовные сети.

Погода испортилась, уже несколько дней было пасмурно и хмуро, а сегодня как назло целый день шел дождь. Моник развлекала Мишеля, Алена и еще нескольких знакомых своим чарующим пением. Но все же сидеть дома им не хотелось. Герцог выпроводил гостей, а сам поспешно стал куда-то собираться. Девушка удивилась, но не стала его расспрашивать, а удалилась в спальню.

— Ну же, Моник, я думал, ты уже готова! — недовольно произнес Мишель, входя туда через некоторое время.

— К чему? — спросила девушка.

— Ах да! — проговорил мужчина, словно опомнившись, и продолжил: — У себя в имении я в такую погоду чаще всего сижу у камина, курю сигары, придираюсь к прислуге и, честно говоря, грущу, ведь на прогулку отправиться нельзя, дороги размыты, и одежда быстро промокает под дождем, даже зонт порой не спасает.

— А я люблю гулять под дождем, наверное, потому, что у меня нет слуг, к которым можно было бы придираться! — И Моник добродушно рассмеялась.

Мишель же нахмурился, но потом тоже расхохотался. Девушка молча ждала, спрашивая себя, что же он собирался ей сказать. Тишина, воцарившаяся в комнате, заставила мужчину произнести:

— Все очень просто. Раз нам сейчас ничего не мешает, почему бы не прогуляться? Я очень люблю слушать шум дождя.

— О, мне тоже нравятся эти чарующие звуки. Ты предлагаешь прогуляться в Парке источников?

— Да, крытые галереи будут сейчас как нельзя кстати.

— Хорошо, я сейчас соберусь!

Девушка поспешила переодеться, скрывшись за ширмой, любезно купленной для нее Мишелем в ателье, где она произвела на Моника неизгладимое впечатление.

— Кстати, Моник, эти галереи семьсот метров в длину, так что надень что-нибудь поудобнее, дабы прогулка тебя не утомила.

Прохаживаться по галерее и слушать шум дождя вместе оказалось куда веселее и интереснее, чем поодиночке. Мишель и Моник приятно провели время. Прогулка затянулась. Девушка даже почувствовала, что немного замерзла и у нее устали ноги, ведь они с герцогом несколько раз прошлись то в одну, то в другую сторону.

В отеле, конечно же, было тепло и уютно. После прогулки у молодых людей разыгрался аппетит, и они с удовольствием поужинали у себя в номерах. Моник и Мишель долго беседовали на разные темы. Когда совсем стемнело, Моник неторопливо направилась в спальню, чтобы приготовиться ко сну. Герцог довольно скоро к ней присоединился. Он вошел тихо, лишь тихий звон выдал его: в руках он держал бутылку вина и два бокала.

— Вино? — удивилась Моник. — Но мы ведь недавно поужинали.

— С тех пор прошло уже достаточно времени, а кроме того, это не простое вино. Это бутылка из запасов моего деда.

— Деда? — переспросила девушка, не веря своим ушам (за все время их знакомства Мишель всячески избегал разговоров о своей семье), и поспешила добавить, дабы не спугнуть его желание побеседовать на эту тему: — У вас есть виноградники?

— Да, но ими уже много лет никто не занимается. Отцу никогда не было до них дела. Его интересовали лишь лошади... К слову, у меня большая конюшня. Мать недолго терпела тяжелый характер супруга. В конце концов их отношения стали просто невыносимыми и мои родители расстались. Матушка почти сразу же вышла замуж за его кузена. Отец не очень-то огорчился из-за этого. Он слыл ловеласом, но на самом деле не любил, наверное, никого. Мать оставила меня с кормилицей в имении первого мужа. Зачем начинать новую семейную жизнь, таща за собой прошлое? Быть может, мать боялась, что я стану точной копией своего отца, не знаю... Внешностью я, конечно, пошел в него, но характером скорее в деда... Нет, сейчас мы с ней в добрых, хороших отношениях, просто я выпил лишнего и болтаю глупости...

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ